

Схоластическая риторика как метод производства текстов в сообществе экономистов-теоретиков

В.М. ЕФИМОВ, доктор экономических наук.

E-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Независимый исследователь, Франция

Аннотация. Хотя новые идеи в науке вырабатывают индивиды, наука является коллективной деятельностью. Общение ученых – важная часть их работы. В естествознании исследователи общаются по поводу своих контактов с объектами исследования, которые принимают в естественных науках форму экспериментов. Один из основателей исходного американского институционализма, Джон Коммонс, обсуждал со своими коллегами и студентами факты, источником которых были контакты с экономическими акторами, контакты, которые были функциональным аналогом экспериментов в естествознании. Так как регулярности в социальной сфере проистекают из того, что акторы следуют в своем поведении определенным правилам, выявление этих правил здесь равносильно выявлению регулярностей, чему и служили контакты исследователей с акторами. Эта исследовательская традиция, активно практиковавшаяся в США между двумя мировыми войнами, была подавлена во времена маккартизма. Была восстановлена, усилена и технически (математически) усовершенствована старая традиция экономической науки, возникшая в университетах как продолжение и замена моральной философии, тесно связанной с теологией.

В рамках этой традиции общение между учеными происходит не по поводу контактов с объектами их исследования, а по поводу абстрактных теоретических конструкций. Это позволило таким рефлексизирующим о своей профессии экономистам, как Дейдра Макклоски и Арьо Кламер, утверждать, что экономическая наука есть не что иное, как разговор (conversation) или риторика. Продолжая эту мысль, я утверждаю, что при отсутствии у экономистов-теоретиков информации о контактах с их объектами исследования, общение между ними (conversation), которое, в частности, принимает форму публикации статей, неизбежно становится схоластической риторикой. В анализируемой здесь статье Н. А. Шапиро и проявился этот метод производства текстов.

Ключевые слова: контакты с акторами; Д. Макклоски; экономикс как риторика; А. Кламер; экономикс как разговор (конверсация); Р. Р. Харре; конверсация как первичная человеческая реальность; Н. А. Шапиро; схоластическая риторика; черная риторика

Исследование действием производства текстов в сообществе российских экономистов-теоретиков

Как изучать экономическую, и более широко – социальную реальность? Для меня, практически с самого начала исследовательской деятельности, ответ был очевиден: нужно вступить в контакт с участниками этой реальности, чтобы получить информацию о ней «из первых рук». Контакт может быть осуществлен в виде беседы-интервью, совместной деятельности (включенного наблюдения) или воздействия на эту реальность/ее участников (исследование действием).

Все эти виды контактов опосредуются языком, поэтому полученная в результате информация носит дискурсивный характер и представляет собой так или иначе составленные тексты. Результаты анализа таких текстов и являются результатами исследования.

Именно так было мною проведено исследование российской сельской реальности конца 1980-х и 1990-х годов [Yefimov, 2003; Ефимов, 2009; 2010]. Именно таким образом я исследовал функционирование сообществ экономистов-теоретиков в Западной Европе, США и в России [Ефимов, 2011b]. Позже я узнал, что у этой методологии есть философское обоснование, которое развивалось в многочисленных работах британского философа Рома Харре, одна из которых была переведена на русский язык [Харре, 1995]¹.

Публикация моей статьи «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» [Ефимов, 2020a; 2020b] может рассматриваться как еще одно исследование действием социальной реальности сообщества российских экономистов-теоретиков, а статья Н.А. Шапиро «Институциональная экономика в современной экономической науке или по поводу всего в статье

¹ Хотя ранее я упоминал о необходимости изучения экономистами дискурсов акторов [Ефимов, 2007. С. 54–55], впервые мое понимание дискурсивной методологии на основе идей Рома Харре применительно к экономике я изложил в 2010 г. на семинаре Р. Харре в Лондонской школе экономики. Текст и презентацию этого моего доклада можно скачать здесь: URL: <http://institutional.narod.ru/lectures/lectures.htm> – Vladimir Yefimov. Towards Discursive Economics (Methodology and history of economics reconsidered) (текст и слайды). На русском языке расширенный вариант текста был опубликован годом позже [Ефимов, 2011a; 2011b].

В. М. Ефимова» [Шапиро, 2021] как текст, подлежащий анализу в этом исследовании.

Точно так же, как в конце 1980-х годов колхозно-совхозная система Переславского района Ярославской области реагировала на мою деятельность по организации семейных фермерских хозяйств, поставляя мне информацию, как она на самом деле работает, реакция на мою статью члена российского сообщества экономистов-теоретиков Н. А. Шапиро раскрывает, как же это сообщество на самом деле функционирует.

Аналогичное невольное исследование действием [Ефимов, 2020е] я провел, анализируя критику моих работ С. Г. Кирдиной-Чэндлер [Кирдина-Чэндлер, 2019]. Не затрагивая излагаемые мною факты, отражающие генезис и эволюции социальных порядков на Западе и в России [Ефимов, 2018а; 2018b; 2019], она критикует исключительно мою методологию. В этом отражается важная черта метода производства текстов экономистов-теоретиков: они не приучены обсуждать факты и их интерпретацию. Этим же пороком страдает и статья Н. А. Шапиро [Шапиро, 2021].

Д. Макклоски и А. Кламер как исследователи сообщества экономистов-теоретиков

Исследования сообществ экономистов-теоретиков на базе дискурсивного анализа проводились уже давно. Так, голландец Арьо Кламер стал известен публикацией цикла интервью с рядом известных экономистов [Klamer, 1984], а затем – великолепным описанием, как на самом деле функционирует международное сообщество экономистов, в книге, которая в русском переводе была озаглавлена «Странная наука экономика. Приглашение к разговору» [Кламер, 2015].

Его коллега из Америки Дональд (Дейдра) Макклоски в своей работе 1985 г. утверждает, что «экономисты – это стихийные поэты и рассказчики, но сами они не знают об этом. Экономисты – это философы, не изучающие философию. Экономисты – это ученые, которые до сих пор не подозревают,

что их наука превратилась в игру мальчишек в песочнице» [Макклоски, 2015. С. XXX]².

Однако дискурсивная методология для экономической науки в моем понимании не имеет почти ничего общего с «риторической» методологией Дейдры (Дональда) Макклоски и Арьо Кламера³, о чем я писал ранее [Ефимов, 2016. С. 53–54]. Эти авторы, блестяще анализируя дискурс влиятельных экономистов, показывая их незаинтересованность в понимании экономической действительности, считают эту ситуацию вполне нормальной. По сути, риторический подход у них заменяет необходимость методологического выбора.

Не случайно, в «десять заповедей» модернизма в экономической и других социальных науках, с которыми Макклоски призывает бороться [McCloskey, 1985. P. 7–8]⁴, не были включены такие важные постулаты модернистского представления о научном исследовании, как субъектно-объектный дуализм и приверженность к поиску причинно-следственных связей. Очевидно, эти постулаты, которым следуют все экономисты-ортодоксы и почти все экономисты-гетеродоксы, вполне приемлемы для автора. Но если Д. Макклоски и А. Кламер обращают внимание исключительно на дискурсы *экономистов*, то методология, которой я придерживаюсь, нацелена, прежде всего, на анализ

² Близкое утверждение содержится в статье израильско-американского профессора экономики Ариэля Рубинштейна [Рубинштейн, 2008]. Отмечу, что это – уважаемый в профессиональных кругах учёный, автор нескольких учебников и монографий, бывший президент Эконометрического общества. Статья, о которой идёт речь – переработанная версия его президентского доклада этому обществу в 2004 г. В ней он задаёт вопрос: «Ради чего работают экономисты-теоретики?» и сам же на него отвечает: «По сути дела, мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем позволить себе такую роскошь – оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатывать при этом. Мы назвали себя экономистами, и публика наивно полагает, что мы повышаем эффективность экономики, способствуем более высоким темпам экономического роста или предотвращаем экономические катастрофы. Разумеется, можно оправдать такой имидж, воспроизводя некоторые из громко звучащих лозунгов, которые повторяются из раза в раз в наших грантовых заявках, но верим ли мы в эти лозунги?» [Там же. С. 62]. И далее еще более откровенно: «Я считаю, что как экономисту-теоретику мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьёзных консультаций < ... >. Как экономисты-теоретики мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово “модель” звучит научнее, чем “басня” или “сказка”, хотя большой разницы между ними я не вижу < ... >. Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно?» [Там же. С. 79–80].

³ См. [Отмахов, 2000; Расков, 2005].

⁴ В переводе на русский язык второго издания книги Д. Макклоски под заглавием «Риторика экономикс», переведенного как «Риторика экономической науки» [Макклоски, 2015] эти десять заповедей модернизма указаны на с. 195.

дискурсов *акторов*. Д. Макклоски и А. Кламер вносят свой вклад в понимание реальностей сообщества экономистов, но их подход не помогает экономистам лучше понимать экономическую действительность. Риторика как искусство убеждения, безусловно, играет важную роль в *оформлении результатов исследования*, но она не поможет экономисту *понять* изучаемое явление. Для этого нужно исследовать правила, которым следуют акторы в своем поведении, причём исследовать их, вступая с этими акторами в непосредственный контакт, а не ограничиваться дедуктивными построениями без такого контакта и (или) анализом статистических данных.

Собственно говоря, Д. Макклоски и А. Кламер хорошо раскрывают «кухню» сообщества экономистов-теоретиков: они не заинтересованы в изучении реальности, а занимаются риторикой [Макклоски, 2015], ведя между собой разговоры (*conversations*)⁵, в которых истина играет второстепенную роль [Кламер, 2015. С. 3]. Отмечу, что эти разговоры ведутся по определенным, довольно жестким правилам, нарушение которых грозит отторжением (вплоть до исключения) из сообщества экономистов-теоретиков. Освоение этих правил происходит во время подготовки диссертации и работы в университете или исследовательской организации.

В своей книге я воспроизвожу советы Д. Норта молодым экономистам, высказанные одним из его ближайших сотрудников: «Норт советовал начать карьеру академического экономиста, готовя статьи, касающиеся небольших задач в рамках принятого направления исследований. “Постепенно <...> вы можете увеличивать масштаб задач и понемногу отклоняться в публикациях от принятого направления. После приобретения некоторого авторитета в профессии можно начать писать не только статьи, но и книги”» [Ефимов, 2016. С. 279]. Это полностью соответствует совету А. Кламера: «Не будьте слишком оригинальны (оставайтесь в границах разговора!)» [Кламер, 2015. С. XIX].

⁵ Интересно отметить, что при переводе книги А. Кламера перевели и слово *conversation*, а в переводе статьи Р. Харре ввели англицизм «конверсация»: «Я использую термин “конверсация” в широком смысле, включая сюда неизбежные интеракции, где значение обмена сигналами конвенционально по своей природе» [Харре, 1995]. При этом Харре утверждает, что «конверсация – это первичная человеческая реальность» [Там же. С. 76].

Я не являюсь единственным критиком подходов Д. Макклоски и А. Кламера. Российский энтузиаст данных авторов Д. Расков по этому поводу пишет следующее: «Из критических замечаний в адрес риторической программы остановимся подробнее на двух наиболее важных. Первое состоит в том, что фактически риторический подход усиливает позиции неоклассической теории и, по сути, является изошренным способом ее защиты. Второе... связано с релятивистским отношением риторической программы к понятию “истины”» [Расков, 2005. С. 26].

По поводу книги А. Кламера он пишет: «Кламер предлагает вовлечь нас в разговор о том, что экономическая наука – есть разговор⁶, или пространство разговоров <...> Безусловно, это маргинальная позиция, но в какой-то степени ее можно сравнить с позицией юроридового – его приходится слушать и терпеть, поскольку за его странными выходами часто скрывается правда, в которой общество боится себе признаться» [Расков, 2015. С. XXI].

Кафедра политэкономии экономического факультета МГУ как школа схоластической риторики

Хочет того Н. А. Шапиро или нет, она в своей критической статье фактически следует риторическому подходу, нередко сбиваясь даже на «черную риторику». Последнее понятие К. Бредемайер определяет следующим образом: «*Черная риторика – это манипулирование всеми необходимыми риторическими, диалектическими, эристическими и рабулистическими приемами для того, чтобы направлять беседу в желательное русло и подводить оппонента или публику к желательному для нас заключению и результату*» [Бредемайер, 2002. С. 8]. В этом определении используется понятие «рабулистика», которое определяется так: «рабулистика – это искусство изошренной

⁶ Разговор является важной частью деятельности представителей естественных наук. Разница между ними и современными экономистами состоит в том, что «естественные науки опираются на эксперименты, они приходят к своим результатам в беседах людей, занимающимися ими и совещающихся между собой об истолковании экспериментов» [Гейзенберг, 2006. С. 277], а экономисты также беседуют между собой, но только не по поводу экспериментов, а абстрактных теорий, удаленных от реальности. Исследование на базе дискурсивной методологии, требующее непосредственного контакта с объектом изучения, а именно с вовлеченными во взаимодействие акторами, представляет собой *функциональный аналог* экспериментального исследования в естествознании.

аргументации, *позволяющее выставить предмет обсуждения или последовательность чьих-либо мыслей в нужном свете, не всегда соответствующем действительности* (выделено В.Е.)» [Там же]. В свою очередь Р. Дэнсон пишет, характеризуя черную риторику: «Для того чтобы подвести человека к решению, изначально чуждому для него, потребуется немало манипуляций, аргументаций и уловок» [Дэнсон, 2016. С. 9].

Н. А. Шапиро и А. А. Аузан, которого она защищает, прошли хорошую школу схоластической риторики на кафедре политэкономии экономического факультета МГУ. Будущий декан факультета защитил в 1982 г. на этой кафедре диссертацию на тему «Развитие Лениным теории планомерности», а Н. А. Шапиро в 1984 г. стала кандидатом экономических наук, представив на кафедре своего научного руководителя Н. А. Цаголова диссертацию «Соотношение закона планомерного развития и закона стоимости в системе развитого социализма». В постсоветское время свой багаж риторики Н. А. Шапиро пополнила знаниями схоластических риторических конструкций западного экономического мейнстрима при подготовке своей докторской диссертации, защищенной в 2003 г. в Санкт-Петербургском госуниверситете низкотемпературных и пищевых технологий.

Про своего бывшего научного руководителя Н. А. Шапиро пишет следующее: «Еще при жизни Н. А. Цаголов и его научные воззрения воспринимались коллегами-экономистами других кафедр и вузов, а также более широкими политическими кругами далеко не однозначно. Одни видели в нем лишь поборника планомерности, другие – противника ТДО [товарно-денежных отношений], а третьи – теоретического схоласта» [Шапиро, 2015. С. 81]. Я лично полагаю, что все эти три характеристики верны, причем первая и вторая предполагают третью, но верная ученица не согласна с таким мнением о своем учителе: «практически мало кто видел научную и практическую продуктивность методологии и вариативность концепции соотношения плана и ТДО, которая была создана» [Там же].

Что это за «научная и практическая продуктивность методологии» можно догадаться из следующих слов авторов книги, изданной по случаю столетия со дня рождения Н. А. Цаголова: «Политическая экономия скользила по поверхности. Она не обладала адекватным методологическим инструментом, с помощью

которого могла бы анализировать не только видимые, но и невидимые на поверхности свойства социализма. Цаголов считал, что этого можно добиться путем применения к социализму методологии “Капитала”. Методология с ее способностью представить все экономические явления и категории в виде определенной системы была для Цаголова тем же, что и телескоп для Галилея. В изображении Б. Брехта Галилей подводил к своей трубе не верящих в его объяснение Вселенной и просил через нее посмотреть на небо и самим убедиться в верности его слов. Подобным же образом Цаголов предлагал не верящим в его теорию посмотреть на экономические явления сквозь призму его методологических принципов, чтобы убедиться, что они действительно находятся в системной зависимости друг от друга» [Дзарасов и др., 2004. С 214–215].

Вот только в отличие от Галилея, предлагающего инструмент непосредственного контакта с реальностью, Н. А. Цаголов проводил свои исследования не на базе подобного контакта, а следуя методологии «Капитала», в соответствии с которой «при анализе экономических форм невозможно пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами: то и другое должна заменить сила абстракции» [Маркс, Энгельс, 1960. С. 6].

Как Н. А. Шапиро оправдывает свой переход от советской политэкономии к западному мейнстриму

В предисловии к русскому переводу своей книги А. Кламер пишет: «9 ноября [день падения Берлинской стены] стало одной из причин, побудивших меня написать эту книгу. В то время меня интересовало, каково всем тем, кто всю жизнь преподавал марксистскую политическую экономику и проводил исследования, используя в качестве главного источника “Капитал”, ведь им пришлось столь внезапно и столь безвозвратно овладеть другим экономическим языком <...> Не могу себе представить, что чувствовал бы я, если бы был вынужден совершить подобную трансформацию. А как же моя честность? Как можно отречься от теории, которую я провозглашал истинной?» [Кламер, 2015. С. XXIII].

По-видимому, этот вопрос задавала себе и Н. А. Шапиро, а для ответа на него использовала следующий риторический

прием: «Признание изменений ценностей влечет за собой признание исторического релятивизма, в том числе и в интеллектуальной истории <...> Актуальность исторического релятивизма в истории экономической мысли проявляется всякий раз, когда появляются основания для преодоления ограниченности или замкнутости взглядов через сопоставление ныне существующих форм сознания с прежними. Расширение временных и пространственных границ дает повод для соответствующих сопоставлений теоретических концепций <...> Научное признание исторического релятивизма означает, что ни богатый исторический опыт, ни доскональные исторические исследования не могут избавить каждое последующее поколение на каждом новом этапе развития от решения задачи нахождения собственных исторических смыслов, так и определения своего собственного будущего. Поэтому время, сформировавшее новые ценности, рождает интерес постижения прошлого с новых позиций. Таким образом преодолевается замкнутость текущих обстоятельств в оценках того или иного события, факта или периода» [Шапиро, 2015. С. 79].

Это «постижение прошлого с новых позиций» Н. А. Шапиро производит и по отношению к Н. А. Цаголову, под руководством которого когда-то осваивала схоластическую риторику советской политэкономии. Делает она это, сопоставляя методологические исследования И. Лакатоса и Н. А. Цаголова: «И. Лакатос разработал предложенную Поппером методологическую исследовательскую программу с большим упором на рационально реконструированную историю <...> Сняв замкнутость интеллектуального пространства, нетрудно обнаружить, что методология системы экономических категорий Н. А. Цаголова была создана параллельно с западной концепцией исследовательских программ постпозитивистской философии и была тождественна ей по исходным положениям и основным выводам» [Шапиро, 2015. С. 80].

Вот как характеризует философское наследие Карла Поппера Ром Харре: «Он [Поппер. – В. Е.] являлся последним из великих логиков, который в наиболее систематичном, последовательном и безжалостном виде продвигал логическую программу философского исследования. Провал попперовских проектов драматическим образом показывает нам ограниченность рационалистического идеала, когда он разрабатывается в терминах логики. Я думаю, что человеческие существа используют рациональные процедуры,

но они должны быть поняты по отношению к значительно более богатым формам мысли и языка, чем может быть схвачено в формах традиционной логики истины и лжи» [Нагтэ, 1994].

Отвечая на вопросы, поставленные А. Кламером, нужно иметь в виду, что российские университетские экономисты, работающие на кафедрах политической экономии, переименованных затем в кафедры экономической теории, специализируются на преподавании утопий. В советское время это была коммунистическая утопия, а в постсоветское – каноны утопического капитализма⁷. Относительная безболезненность перехода от преподавания марксистской политической экономии на неоклассический экономикс именно этим и объясняется: базовый навык был сформирован, а какую именно утопию преподавать – это уже второй вопрос.

О дискурсивном анализе институтов в экономике и профессии экономиста-теоретика как социального института

Обновленная методология экономической науки должна сконцентрировать своё внимание не на процедурах построения теорий и способах их верификации или фальсификации, но на *способах организации экспериментальных ситуаций*, в которых объект и субъект исследования не отделены друг от друга, а активно взаимодействуют.

В вышеприведённом высказывании Рома Харре, являющегося сторонником философии позднего Витгенштейна, недаром упоминается язык. Методология экономической науки, которую я пытаюсь отстаивать, опирается на витгенштейнианское положение о проистекании социально-экономических регулярностей из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определёнными социально сконструированными правилами (социальными институтами), которые объясняются, обосновываются и запоминаются с помощью рассказывания себе и другим неких историй. Если это положение принимается, мы должны согласиться и с тем, что для выявления социально-экономических регулярностей следует осваивать и анализировать эти истории.

⁷ Всеохватывающий, саморегулирующийся, гармоничный рынок является утопией, в разработку которой внесли вклад большое количество экономистов, и которую французский политолог Пьер Розанваллон назвал утопическим капитализмом [Розанваллон, 2007].

Это прекрасно выразил британский философ Дэвид Блур. То или иное правило как элемент института «существует внутри определённой практики, и через эту практику, путём цитирования этого правила, взывания к нему в процессе его освоения, получения удовлетворения при виде, когда другие ему следуют, и, указывания другим, что они ему не следуют или следуют недостаточно точно. Всё это говорится другим и себе, и всё это люди слышат от других < ... >. Таким образом, явление следования определённому правилу неотличимо от описания, даваемого этому правилу» [Bloor, 1997. Р. 33–34].

В этом смысле институт может быть охарактеризован как «самоотсылочная практика, объект разговора, и именно разговора, предоставляющего нам реальность, к которой он и отсылает»⁸ [Там же. Р. 34], а «социальный объект» основывается на описаниях, которые акторы и участники этого объекта ему дают. Он не существует независимо от того, во что акторы и участники этого объекта верят и как они выражают это на словах. Таким образом, «социальный объект» не может быть описан «точнее», чем это уже сделано в этих описаниях [Там же. Р. 35]. Исследователю остается только позаимствовать эти описания у акторов и участников. Если объектом исследования является социальный институт профессии экономистов-теоретиков, то описания, которые мы находим в текстах Н. А. Шапиро, в том числе и в тексте ее критики моей статьи [Шапиро, 2021], могут помочь выявить правила функционирования сообщества экономистов-теоретиков.

О риторических приемах Н. А. Шапиро

Проанализируем, какие риторические приемы использовала Н. А. Шапиро применительно к разным разделам и идеям моей статьи «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» [Ефимов, 2020а; 2020b]. Одним из таких приемов является передергивание⁹. Возьмем для начала самый первый абзац ее статьи: «В статье “Анти-Аузан: критика одной социальной философии” г-н Ефимов, насколько удалось понять, рассуждает по факту не о социальной

⁸ “[A]n institution is a self-referring practice, the object of the talk, namely that which provides the reality to which it refers.”

⁹ Слово «передергивание» имеет следующие синонимы: извращение, искажение, подтасовывание, подтасовка, коверканье, переименование: *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык. 2001. С. 322, 156.

философии, а большей частью об институциональной экономике (новой институциональной теории)» [Шапиро, 2021. С. 176].

Введя в название статьи «социальную философию», я следовал тексту книги А. А. Аузана: «<...>Институциональная экономика мечтает не о господствующем положении в экономической теории, а о превращении в новую социальную философию» [Аузан, 2017. С. 9]. Некоторые известные современные экономисты не просто трактуют то, что они делают, как создание новой философии, но и открыто призывают академическое сообщество к содействию в создании «гражданской религии»: «[М]ы находимся на пути к зарождению новой “гражданской религии” – религии, которая отчасти возвратит нас к характерному для XVIII века скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на *правилах, ограничивающих деятельность правительств*, а не инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. Наша нормативная роль, как *философов-обществоведов* [выделено мной. В.Е.], состоит в том, чтобы придать определённую форму этой гражданской религии» [Бреннан, Бьюкенен, 2005. С. 262].

Далее она приписывает мне мнение, что А. Аузан «пересказывает (выделено мною. В.Е.) монографию Т. Эггертсона «Экономическое поведение и институты» <...> Кого же критикует автор – Аузана или Эггертсона, остается не выясненным» [Шапиро, 2021. С. 176]. Я же, наоборот, подчеркиваю оригинальность книги А. А. Аузана, и при этом констатирую, что если большая часть российских учебников под названием «Институциональная экономика» взяла в качестве образца книгу Т. Эггертсона, то «книга А. А. Аузана, <...> хотя по структуре и идеям похожа на все остальные, однако сильно отличается от них по форме. Аналогично тому, как раньше поступали экономисты, работающие в области политэкономии социализма, А. А. Аузан пытается, в частности, интерпретировать уже постсоветский социальный порядок, но теперь, конечно, уже не опираясь на марксизм, а в терминах теоретических конструкций отражающих в наукообразном виде идеологию, послужившую возникновению этого порядка, а именно идеологию неолиберализма» [Ефимов, 2020а. С. 64].

Это практически все, на что Н.А. Шапиро обратила свое критическое внимание в первом разделе моей статьи «Колея (path dependence) профессии советского политэконома». Можно предположить, что Наталья Александровна согласна с основной идеей этого раздела, а именно, что А.А. Аузан в своей книге воспроизводит практики советских экономистов, работающих в области политэкономии социализма, практик, в которые непосредственно были вовлечены как сам А.А. Аузан, так и Н.А. Шапиро.

Продолжая обращение с моим текстом, которое трудно назвать корректным с чисто профессиональной точки зрения, Н.А. Шапиро пишет, что я, якобы считаю, что «началом институциональной экономики [при этом, конечно, имеется в виду “институциональная экономика”, преподаваемая в России, то есть Новая институциональная экономическая теория. В.Е.] являются работы авторов традиционного американского институционализма: Т. Веблена, Дж. Коммонса и У. Митчелла». Такая точка отсчета представляется ошибочной уже потому, что в основополагающей работе Р. Коуза “Природа фирмы” [Coase, 1937] нет никаких ссылок на взгляды традиционных институционалистов» [Шапиро, 2021. С. 177].

Я же в своей статье утверждаю: «Школа Коммонса исчезла на фоне послевоенного маккартизма <...> После этого, за редким исключением, практически все американские университетские экономисты стали, как выразился Джозеф Стиглиц, “самыми активными участниками группы поддержки капиталистического свободного рынка”. Перед ними встала задача исказить и дискредитировать наследие <...> исходного институционализма Джона Коммонса. Вот за эту задачу и взялись конструкторы Новой институциональной экономической теории. Исходный институционализм был намеренно негативно окрещен “старым”, термин, который можно трактовать как “отживший”. Если школы Шмоллера и Коммонса выводили свои теоретические положения из анализа истории, то Д. Норт перевернул этот подход с ног на голову, анализируя историю путем просвечивания ее через призму неоклассической экономической теории. Введенное Дж. Коммонсом понятие транзакции не просто исказили, сведя его к транзакционным издержкам, оно в таком виде стало центральным в Новой институциональной экономической теории, которая на этой базе продолжила дело Локка, Смита и армии

неоклассиков по легитимации монетарного социального порядка» [Ефимов, 2020а. С. 82]. Таким образом, утверждение Н.А. Шапиро, что факт того, что «одним термином “институционализм” обозначены различные по сути концепции, является “исторической случайностью”» [Шапиро, 2021. С. 177], оказывается ложным.

Видный представитель исходного институционализма Уолтер Гамильтон был первым, кто ввел в 1919 г. понятие институциональной экономики [Гамильтон, 2007]: «История экономической науки указывает, что выживание часто зависело от того, насколько доктрина соответствовала привычкам мышления своего времени. Если следующее десятилетие потребует формальной теории ценности, которая избежит дискуссий о том, чему подобен экономический порядок, институциональная экономика потерпит фиаско. Если же оно потребует *понимания наших отношений с миром* [выделено мною. В.Е.], в котором мы живем, то институциональная экономика выживет» [Там же. С. 117].

Слова У. Гамильтона оказались пророческими: исходная институциональная экономика не выжила именно потому, что экономическая дисциплина под давлением влиятельных сил «избежала дискуссий о том, чему подобен экономический порядок». Однако в первой половине XX века в США имелись академические центры, где такие дискуссии даже поощрялись, и не только среди профессоров, но и среди студентов. Это были центры развития институциональной экономики.

К двум таким центрам У. Гамильтон имел самое непосредственное отношение. Одним из них был Амхерстский колледж (*Amherst College*), частный гуманитарный университет, расположенный в штате Массачусетс, а другим – Брукингская школа (*Robert Brookings Graduate School of Economics and Government*), стартовавшая при Университете Вашингтона в Сент-Луисе, штат Миссури, но уже в 1924 г. переведенная в столицу США Вашингтон. В первом из них У. Гамильтон проводил свой эксперимент по экономическому образованию между 1916 и 1923 гг., а во втором – между 1923 и 1928 гг.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что У. Гамильтон отказывался рассматривать экономическое образование как «ритуал» освоения определенных теорий, а стремился к тому, чтобы образовательные процессы были бы для студентов «приключением» истинного интеллектуального расследования путем погружения

в существующие социальные и экономические проблемы и поиска их решений [Hamilton, 1923]. Первая книга под названием «Институциональная экономика» была опубликована Дж. Коммонсом в 1934 г.

Почти половина первого раздела моей статьи (С. 66–68) посвящена основным идеям счетно-долговой институциональной теории денег, мимо которых Н. А. Шапиро прошла, их совсем не замечая и не критикуя. Точно так же остался без ее внимания весь второй раздел «Монетарный социальный порядок и трёхсотлетнее противостояние двух теорий денег» (С. 69–76), а ведь именно в нем я предлагаю альтернативу как марксизму, так и неоклассике. Казалось бы – вот где разгуляться критике человеком, который начал свою карьеру с первого и продолжает ее, следуя второму направлению.

Очевидно, объясняется это небрежение тем, что экономисты-теоретики не очень интересуются реальностью, и точкой отсчета для них в составлении текстов является не реальность, а абстрактные теории. Именно так Н. А. Шапиро осуществляет анализ моей критики «отсутствия денег в логике институциональной экономики» (имеется в виду, конечно, Новая институциональная экономическая теория): «Восприняв ядро неоклассики, институциональная экономика использует такой инструмент, как деньги, экзогенно или эксплицитно. Неоклассическая теория построена так, что может обойтись без имманентной теории денег, потому что деньги не являются продуктом деятельности отдельных хозяйствующих субъектов. <...> Деньги признаются важнейшим фактором влияния, а не элементом, определяющим его сущность. В микроэкономике важны цены. Микроэкономика есть теория цены, а не денег. Для современной науки *деньги пока остаются феноменом* (выделено мною. В.Е.), несмотря на их практическую значимость <...> Деньги – это “большая тайна”, но не потому, как пишет В. Ефимов, что “...сильные мира сего, а также те, кто находится у них в услужении, стараются скрыть. И вот уже в течение 300 лет, это у них неплохо получается”, а потому, что это – *все еще феномен* (выделено мною. В.Е.), несмотря на то, что многие научились им умело пользоваться. Если бы экономическая теория располагала научно достоверной и продуктивной концепцией денег, *вписывающейся в микроэкономическую методологию* (выделено мною. В.Е.) это, возможно,

способствовало бы более глубокому и результативному анализу» [Шапиро, 2020. С. 183].

Свидетельством того, что для Н. А. Шапиро точкой отсчета является не реальность, а абстрактные теории, говорит и следующее ее заявление: «Критика г-на Ефимова построена так, будто бы он знает истинную и абсолютно верную теорию, на правомерность выводов которой не влияют ни время, ни цели, ни задачи исследования. Между тем по факту он бессистемно сопоставляет положения институциональной экономики [здесь имеется в виду, конечно, Новая институциональная экономическая теория. В.Е.] с разными теориями прошлого. Результатом критики “из прошлого” (выделено мною. В.Е.) стали некорректные выводы и оценки продуктивности институциональной экономики» [Шапиро, 2021. С. 177]¹⁰.

Вынужден напомнить, что счетно-долговая институциональная теория денег является результатом научных исследований, *тесно связанных с практикой*. Дж. Коммонс заимствовал ее у Г. Маклеода, который был профессиональным банкиром. Другой, мало кому известный, вклад в счетно-долговую институциональную теорию денег внес Й. Шумпетер [Schumpeter, 1970; Лакомски-Лагерр, 2020; Ефимов, 2020с], который имел опыт руководителя банка и министра финансов. И тот, и другой сами были экономическими акторами, которые отразили в теории свой личный опыт, а также опыт совместной деятельности с другими акторами, то есть фактически использовали метод включенного наблюдения, о котором говорилось в самом начале статьи.

Интересно, о какой практике говорит Н. А. Шапиро в следующем пассаже своей статьи: «Современный мейнстрим – это корпус наиболее апробированных практикой теоретических инструментов, представленных теорией общего равновесия, новой классической макроэкономикой, чикагской школой, некоторыми фрагментами кейнсианства и неокейнсианских теорий, новая институциональная теория (институциональная экономика) и поведенческая экономика» [Шапиро, 2021. С. 180].

Н. А. Шапиро четко сформулировала свою позицию, связанную с точкой отсчета в абстрактных теориях, а не в реальности,

¹⁰ В двух вышеприведенных цитатах из статьи Н. А. Шапиро курсивом мною выделены ключевые слова, используемые в ее риторике.

так: «Гетеродоксия или теоретический плюрализм, фрагментарность современной экономической науки, теоретическая и методологическая неоднородность, степень проникновения в сущность изучаемых явлений, различие исследовательских программ <...> являются неоспоримыми фактами <...> *исчез эталон теории, некая норма, опираясь на которую* [выделено мною. В.Е.], можно однозначно утверждать, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что нет» [Шапиро, 2021. С. 179].

В естествознании и в исходном институционализме Дж. Коммонса, разделяющим с естествознанием видение исследовательского процесса, утверждать, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что неправильно в оглашаемых учеными результатах, можно *на основании контакта с объектом исследования и получения реакции этого объекта на воздействие исследователя.*

Н. А. Шапиро подчеркивает, что «в статье г-на Ефимова используется модель знания экономической теории, сложившаяся к концу XIX в., когда все многообразие теории представлялось тремя течениями: неоклассика, марксизм и историческая школа. Это слишком просто для нынешнего времени, а потому не имеет отношения к действительному положению дел, иначе говоря, – не релевантно» [Шапиро, 2021. С. 179]. Тем самым она озвучивает миф об изменяющемся лице экономикс, в свое время провозглашенный американцами Д. Коландером, Р. Холтом и Б. Россером [Colander et al., 2004]. В качестве разделов экономикс, которые, по мнению авторов, и изменили ее лицо, называются следующие: поведенческая экономика (*behavioural economics*), агентное моделирование (*agent-based modelling*), эволюционная теория игр (*evolutionary game theory*) и экспериментальная экономика (*experimental economics*).

На первом месте в этом списке стоит поведенческая экономика, которую также называет и Н. А. Шапиро. Здесь мне хотелось бы опять предоставить слово уже упоминавшемуся Ариэлю Рубинштейну, одному из немногих экономистов, рефлекслирующих по поводу своей профессии: «Для меня экономикс является совокупностью идей и конвенций, с которыми экономисты согласны, и на основании которых они базируют свои рассуждения. Таким образом, экономикс – это определённая культура. Поведенческая экономика представляет собой преобразование этой культуры. Тем не менее <...> её методы в значительной степени

те же, что были привнесены в экономикс теорией игр. В центре большинства моделей поведенческой экономики те же самые агенты, которые максимизируют предпочтения на пространстве последствий, и искомое решение в большинстве случаев связано с использованием стандартных понятий равновесия. Однако поведенческие экономисты не связывают себя с тем, что обычно называют рациональными мотивациями. Экономическая басня (или модель, как мы её называем), которая бы имела в качестве своего ядра такие понятия, как справедливость (*fairness*), зависть (*envy*), смещение предпочтений в пользу настоящего (*present-bias*) и тому подобное, теперь не только позволительна, но даже и предпочтительна. Почему это произошло именно сейчас? Может быть, потому что экономисты, в конце концов, поняли: ортодоксальные экономические модели слишком нереалистичны и догматичны. А может быть, это было результатом нашего постоянного поиска новых направлений исследования. Напрашивается также вопрос, а почему другие идеи <...> не так радужно принимаются, как идеи поведенческой экономики? Я думаю, что это происходит потому, что профессия предпочитает прогресс, осуществляемый малыми шагами. Модели поведенческой экономики не так уж сильно отличаются от тех, которые используются в прикладном экономикс, и тем самым не воспринимаются как угроза» [Rubinstein, 2006. Р. 246]. Мне кажется, что лучше не скажешь. Ключевыми словами в этой очень точной и тонкой характеристике экономической дисциплины являются «культура» и «угроза».

В заключении раздела «Критика и современная методология экономической науки» своей статьи Н. А. Шапиро пишет: «Границы критики теории заложены в самой теории, в ее картине мира, которую теория предполагает. *Критика конструктивна в заданных смысловых рамках текстов* [выделено мною. В.Е.], за границами этих рамок следуют уже мировоззренческие разногласия (т.е. оспаривание самих рамок) и предполагается предложение принципиально иной теории. *Если отсутствует универсальная теория, то следует исходить из того, что нет и универсальной критики* [выделено мною. В.Е.]» [Шапиро, 2021. С. 181].

Такая позиция очень удобна тем, кто рассматривает экономическую науку *только* как разговор или пространство разговоров. Разговор (конверсация) может происходить в рамках

близких теорий. Если теории сильно разнятся, разговор, в том числе и критика, между их представителями, следуя этой позиции, просто невозможен. То есть возможность дискутировать представителям двух разных направлений, апеллируя к опыту своих (или других исследователей) контактов с объектами исследования, априори отбрасывается, обрекая одного или обоих представителей на схоластику.

Почему Н. А. Шапиро воздержалась от критики большей части моей статьи

Помимо *половины* первого раздела моей статьи (С. 66–68), посвященной основным идеям счетно-долговой институциональной теории денег, и полностью второго раздела о монетарном социальном порядке (С. 69–76), Н. А. Шапиро оставила без своего внимания и критики весь третий раздел «Об эволюции экономического мейнстрима в университетском образовании как идеологического сопровождения монетарного социального порядка», и *всю вторую часть статьи* [Ефимов, 2020b]. *Что же это за критика текста, которая игнорирует его львиную долю?*

Могу предположить, что на самом деле Н. А. Шапиро желала «опровергнуть» только два тезиса в моей статье: «В 1917 г. большевики пришли к власти в России и <...> через двадцать с небольшим лет создали в стране новый социальный порядок, и для его легитимации требовалось идеологическое обоснование. Интерпретация советского социального порядка была осуществлена на базе марксистских понятий, так как лидеры партии посчитали, что деятельность по приходу к власти, а затем по политическому и экономическому строительству должна была быть обоснована на единой понятийной базе. Одной из важнейших задач экономического факультета МГУ (создан в 1941 г.) было развитие преподавания этого обоснования <...> В 1991 г. в России было осуществлено другое радикальное институциональное изменение, активные участники которого, не без внешнего иностранного влияния, черпали свое вдохновение в идеологии неоллиберализма. К этому времени неоллиберализм, требующий максимальной приватизации и минимального участия государства в экономике, получил наиболее полное идеологическое обоснование в так называемой Новой институциональной экономической теории (New Institutional Economics)» [Ефимов, 2020а. С. 63].

Эти два тезиса, по сути, объявляют приговор всей профессиональной деятельности моего оппонента, как в советское, так и в постсоветское время, фактически характеризуя ее как социально вредную, поэтому ее резко отрицательный настрой по-человечески понятен. Как уже отмечалось, оправдывая перипетии своей профессиональной деятельности, Наталья Александровна апеллирует к понятию «исторического релятивизма». Далее нужно было риторически развести неоклассику, к которой она примкнула, и неолиберализм, чем она и занялась в рассматриваемой здесь ее статье [Шапино, 2021].

Делает она это с помощью понятия «исследовательские программы», введенного И. Лакатосом, «Из сопоставления концепций институциональной экономики [опять здесь имеется в виду Новая институциональная экономическая теория. В.Е.] и неолиберализма как направлений экономической теории, можно сделать вывод, что их развитие не оказало прямого влияния друг на друга. У них *разные исследовательские программы* (курсив. В.Е.). Неолиберализм исследовал функции и место государства в современном рынке, а институциональная экономика изучает разнообразие экономических институтов, причины их эффективности и неэффективности, т.е. критикует отчасти тот порядок и те структуры, включая государство, которые сдерживают развитие рыночной экономики <...> Общими вопросами идеологии она не занимается и претензии к ней можно предъявлять только в том смысле, почему она вообще не выступает против рынка?! Таким образом, приписывание институциональной экономике характерных черт неолиберализма просто некорректно» [Шапино, 2021. С. 186]. Я предоставляю читателю самому оценить всю эту риторическую конструкцию.

Заключительный риторический аккорд статьи Н. А. Шапино

Наконец, заключительным риторическим аккордом статьи Н. А. Шапино, который я также предлагаю оценить читателю самому, является следующий: «Что касается “Анти – Аузана”, можно привести слова все того же Л. Роббинса о К. Поппере: “Поппер всегда излагает точку зрения, которую собирается раскритиковать, яснее, чем те, кого он критикует, и его описание ... заслуживает прочтения”. Эту характеристику без всяких оговорок

можно отнести к работе “Экономика всего” и ее автору – А. Аузану, которому удастся объяснять теории других лучше, чем это делают они сами. В работе “Экономика всего” [Аузан, 2017] доступно, не скучно и критически не вульгарно объяснены базовые концепции и понятия институциональной экономики. В этом смысле “Анти-Аузан” – это тот, кому трудно дается понимание и ясность изложения не своих идей» [Шапиро, 2021. С. 189].

Литература

- Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2017.
- Бредемайер К. Черная риторика: Власть и магия слова. М.: Альпина Паблишер. 2002.
- Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа. 2005.
- Гамильтон У. Х. Институциональный подход к экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 2. С. 110–117.
- Гейзенберг В. Избранные философские работы. СПб.: Наука. 2006.
- Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г. Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс. 2004
- Дэнсон Р. Черная риторика. Запрещенные приёмы ведения дискуссий. М.: «АБ Пабблишинг Трейд». 2016.
- Ефимов В. М. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 49–67.
- Ефимов В. М. Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. 2009. № 1. С. 74–116.
- Ефимов В. М. Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // Вопросы регулирования экономики. 2010. № 3. С. 8–91.
- Ефимов В. М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть I. Иная методология экономической науки // Экономическая социология. 2011а. Т. 12. № 3. С. 15–53.
- Ефимов В. М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть II. Иная история и современность // Вопросы регулирования экономики. 2011б. Т. 2. № 3. С. 8–91.
- Ефимов В. М. Экономическая наука под вопросом: иная методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М. 2016.
- Ефимов В. М. (2018а). О двух типах социальных порядков. Часть 1. // Вопросы теоретической экономики, № 1. С. 7–25.
- Ефимов В. М. (2018б). О двух типах социальных порядков. Часть 2–1. // Вопросы теоретической экономики, № 2. С. 28–46.
- Ефимов В. М. (2019). О двух типах социальных порядков. Часть 2–2. // Вопросы теоретической экономики, № 1. С. 7–23.
- Ефимов В. М. Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 1 // ЭКО. 2020а. № 9. С. 52–89.

Ефимов В. М. Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 2 // ЭКО. 2020b. № 10. С. 168–192.

Ефимов В. М. Необычный социолог Джеффри Ингем и два незнакомых знаменитых экономиста // Вопросы экономики. 2020c. № 6. С. 135–149.

Ефимов В. М. О политическом завещании Сталина // Journal of Economic Regulation. 2020d, Том 11. № 1. С. 6–35.

Ефимов В. М. Три видения социальных порядков, сложившихся на Западе и в России (ответ С. Г. Кирдиной-Чэндлер) // Вопросы теоретической экономики. № 1, 2020e. С. 31–45.

Кирдина-Чэндлер С. Г. О деньгах и социальных порядках (размышления над статьёй В. М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики, 2019. № 2. С. 7–25.

Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.-СПб.: Издательство Института Гайдара. 2015.

Лакомски-Лагерр О. Кредитная сущность денег глазами Йозефа Шумпетера: вклад в «монетарный анализ» капитализма // Journal of Institutional Studies, 2020. № 4. С. 86–99.

Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.-СПб.: Издательство Института Гайдара. 2015.

Маркс К. и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Том 23. М.: Госполитиздат. 1960.

Отмахов П. А. «Риторическая» концепция метода в экономической теории // Истоки. 2000. Вып. 4. М.: ИД ГУ ВШЭ. С. 138–176.

Расков Д. Е. Экономическая теория как риторика // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 5. Вып. 3. С. 13–30.

Роббинс, Л. Истории экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики. М.: Инд. Института Гайдара. 2013.

Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение. 2007.

Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 62–80.

Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо. 2011.

Харре Р. Метафизика и методология; некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия. М.: ИНИОН, 1995. С. 74–93.

Шапиро Н. А. Ценности и смыслы научной школы Н. А. Цаголова в контексте исторического релятивизма // Проблемы современной экономики. № 3. 2015. С. 78–83.

Шапиро Н. А. Институциональная экономика в современной экономической науке или по поводу всего в статье В. М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» // ЭКО. 2021. № 2. С. 176–92.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело. 2001.

Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. London; New York: Routledge. 1997.

Coase R. The Nature of the Firm // Economica, Vol. 4, No. 16, November. 1937. P. 386–405.

Colander D., Holt R. P. F., Rosser J. B., Jr. The Changing Face of Economics. Conversation with Cutting Edge Economists. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2004.

Hamilton W. H. Education – Ritual or Adventure? // *The Nation*, 1923. No. 116 (June). P. 720–721.

Harré R. Obituary: Professor Sir Karl Popper // *The Independent*. 1994. 19 September. URL: <http://www.independent.co.uk/news/people/obituary-professor-sir-karl-popper-1449760.html>

Klamer A. The New Classical Macroeconomics. Conversations with New Classical Economists and their Opponents. Brighton, Sussex: Edward Elgar.

McCloskey D. The Rhetoric of Economics. Madison: University of Wisconsin Press. 1985.

Rubinstein A. Discussion of «Behavioral Economics» // Blundell R., Newey W. K., Persson T. (eds). *Advances in Economics and Econometrics. Theory and Applications. Ninth World Congress* (Vol. 2). Cambridge: Cambridge University Press. 2006. P. 246–254.

Schumpeter, J. A. *Das Wesen des Geldes*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1970.

Yefimov V. *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan. 2003.

Статья поступила 15.01.2021.

Статья принята к публикации 19.01.2021.

Для цитирования: *Ефимов В. М.* Схоластическая риторика как метод производства текстов в сообществе экономистов-теоретиков // ЭКО. 2021. № 3. С. 167–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-167-192.

Summary

Yefimov, V.M., *Doct. Sci. (Econ., Development Studies), independent researcher, France*

Scholastic Rhetoric as a Method of Producing Texts in the Community of Theoretical Economists

Abstract. Although new ideas in science are developed by individuals, science is a collective activity. Scientists constantly communicate with each other. And this communication is an important part of their scientific activities. In natural science, researchers communicate about their contacts with objects of their research, contacts that take the form of experiments in natural sciences. One of the founders of the original American institutionalism, John Commons, discussed with his colleagues and students the facts, the source of which were contacts with the actors of the studied economic activity, contacts that were a functional analog of experiments in natural science. Since regularities in the social sphere arise from the fact that actors follow certain rules in their behaviour, the identification of these rules here is equivalent to the identification of regularities, which the contacts of researchers with actors targeted. This research tradition, which had been actively practiced in the United States between the two World Wars, was suppressed there during the time of McCarthyism. The old tradition of economics, which arose in universities as a

continuation and replacement of moral philosophy, closely related to theology, was restored, strengthened, and technically (mathematically) improved.

Within this tradition, communication between scientists is not about contacts between them and objects of their research, or about contacts made and described by someone else, but about abstract theoretical constructions. This allowed economists reflecting about their profession, such as Deirdre McCloskey and Arjo Klammer, to argue that economics is nothing more than a conversation or rhetoric. Continuing this thought, I argue that in the absence of information for theoretical economists about contacts with their research objects, communication between them (conversation), which in particular takes the form of published articles, inevitably ends up as scholastic rhetoric. The article by N.A. Shapiro, which is under our scrutiny here, revealed this method of producing texts.

Keywords: *contacts with actors; D. McCloskey; economics as rhetoric; A. Klammer; economics as conversation; R.R. Harré; conversation as primary human reality; N.A. Shapiro; scholastic rhetoric; black rhetoric*

References

- Auzan, A.A. (2014). Economics of everything. How institutions define our life. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).
- Bloor, D. Wittgenstein, Rules and Institutions. London; New York: Routledge. 1997.
- Bredemeier, K. (2005). Schwarze Rhetorik. Macht und Magie der Sprache. Munchen: Goldmann Wilhelm GmbH (In Russ.).
- Brennan, G. and. Buchanan, J.M. (1985). The Reason of Rules. Constitutional political economy. Cambridge: Cambridge University Press. (In Russ.).
- Coase, R. (1937). The Nature of the Firm. *Economica*, Vol. 4. No. 16, November. Pp. 386–405.
- Colander, D., Holt, R. P. F., Rosser, J. B., Jr. The Changing Face of Economics. Conversation with Cutting Edge Economists. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2004.
- Denson, R. (2016). Black Rhetoric: Unfair Methods of Conducting Discussions (In Russ.).
- Dzarasov, S., Menshikov, S., Popov, G. (2004). The fate of political economy and its Soviet classic. Moscow. Alpina Business Books. (In Russ.).
- Eggertsson, T. (1990). *Economic behavior and institutions: Principles of Neoinstitutional Economics*. Cambridge: Cambridge University Press. (In Russ.).
- Hamilton, W.H. (1923). Education – Ritual or Adventure? *The Nation*. No. 116 (June). Pp. 720–721.
- Hamilton, W.H. The Institutional Approach to Economic Theory. *The American Economic Review*. Vol. 9, No. 1, Supplement, Papers and Proceedings of the Thirty-First Annual Meeting of the American Economic Association (Mar., 1919), Pp. 309–318. (In Russ.).
- Harré R. Obituary: Professor Sir Karl Popper // The Independent. 1994. 19 September. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/people/obituary-professor-sir-karl-popper-1449760.html>

Harré, R. (1989). Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research. *European Journal of Social Psychology*, Vol. 19, Pp. 439–453 (In Russ.).

Heisenberg, W. (1969). *Der Teil und das Ganze*, R. Piper & Co. Verlag

Kirdina-Chandler, S.G. (2019a). About money and social orders (reflections on the article by V.M. Yefimov). *Journal of Theoretical Economics*. No. 2. Pp. 7–25. (In Russ.).

Klamer, A. (1984). *The New Classical Macroeconomics. Conversations with New Classical Economists and their Opponents*. Brighton, Sussex: Edward Elgar.

Klamer, A. (2007). *Speaking of Economics. How to get in the conversation*. London, New York: Routledge. (In Russ.).

Lakomski-Laguerre, O. (2016). Joseph Schumpeter's credit view of money: A contribution to a "monetary analysis" of capitalism. *History of Political Economy*, 48(3). Pp. 489–514. (In Russ.).

Marx, K. and Engels, F. (1960). *Works*. Ed.2. Volume 23. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.).

McCloskey, D. *The Rhetoric of Economics*. Second Edition. Madison: The University of Wisconsin Press

McCloskey, D. *The Rhetoric of Economics*. Madison: University of Wisconsin Press. 1985. (In Russ.).

Otmakhov, P.A. (2000). "Rhetorical" concept of the method in economic theory. *Istoki*. Issue 4. Moscow: HSE Publishing House. Pp. 138–176. (In Russ.).

Raskov, D.E. (2005). Economic theory as rhetoric. *Bulletin of St. Petersburg University*. Series 5. Vol. 3. Pp. 13–30. (In Russ.).

Robbins, L. (2000). *A History of Economic Thought: The LSE Lectures*. Princeton, NJ: Princeton University Press. (In Russ.).

Rosanvallon, P. (1999). *Le Capitalisme utopique. Histoire de l'idée de marché*. Paris: Seuil. (In Russ.).

Rubinstein, A. Discussion of «Behavioral Economics». Blundell R., Newey W.K., Persson T. (eds). *Advances in Economics and Econometrics. Theory and Applications. Ninth World Congress* (Vol. 2). Cambridge: Cambridge University Press. 2006. P. 246–254.

Rubinstein, A. (2006). Dilemmas of an Economic Theorist. *Econometrica*. Vol. 74, No. 4. Pp. 865–883. (In Russ.).

Schumpeter, J.A. *Das Wesen des Geldes*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1970.

Shapiro, N.A. (2015). Values and meanings of the scientific school of N.A. Tsagolov in the context of historical relativism. *Problems of modern economics*. No. 3. Pp. 78–83. (In Russ.).

Shapiro, N.A. (2021). Institutional Economics in Modern Economic Science or about everything in the Article by V.M. Yefimov, «Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy». *ECO*. No. 2. C. 176–192. DOI: 10.30680/ECO 0131–7652–2021–2–176–192

Stiglitz, J. (2010). *Freefall: Free Markets and the Sinking of the Global Economy*. NY: W. W. Norton & Company.

Yefimov, V. (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan.

Yefimov, V.M. (2007). Subject and method of interpretative institutional economics. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. Pp. 49–67. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2009). Evolutionary analysis of the Russian agrarian institutional system. *Universe of Russia*. No. 1. Pp. 74–116. (In Russian)

Yefimov, V.M. (2010). Russian agrarian institutional system (historical-constructivist analysis). *Journal of Economic Regulation*. No. 3. С. 8–91. (In Russian).

Yefimov, V.M. (2011a). Discursive analysis in economics: methodology and history of economic science reconsidered. Part I. Other methodology of economic science. *Economic sociology*. Vol. 12. No. 3. Pp. 15–53. (In Russian).

Yefimov, V.M. (2011b). Discursive analysis in economics: methodology and history of economic science reconsidered. Part II. Other history and the present. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 2. No. 3. Pp. 8–91. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2016). *Economic science in question: other methodology, history and research practices*. Moscow. KURS: INFRA-M, 2016 (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018a). On Two Types of Social Orders; Part 1. *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 7–25. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018b). On Two Types of Social Orders; Part 2–1. *Journal of Theoretical Economics*. No. 2. Pp. 28–46. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2019). On Two Types of Social Orders; Part 2–2. *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 7–23. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020a). Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy. Part 1. *ECO*. No. 9. Pp. 52–89. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020b). Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy. Part 2. *ECO*. No. 10. Pp. 168–192. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020c). An unusual sociologist Geoffrey Ingham, and two unknown famous economists. *Voprosy Ekonomiki*. No. 6. Pp. 135–149. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020d). On Stalin's political testament. *Journal of Economic Regulation*. V. 11. No. 1. Pp. 6–35.

Yefimov, V.M. (2020e). Three visions of social orders in the West and in Russia (the answer to S.G. Kirdina-Chandler). *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 31–45. (In Russ.).

For citation: Yefimov, V.M. (2021). Scholastic Rhetoric as a Method of Producing Texts in the Community of Theoretical Economists. *ECO*. No. 3. Pp. 167–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-167-192.